

Камилла ЛИ,
*культуролог, искусствовед,
 заслуженный деятель РК*

Я – ТЯГУБЯ!¹ **Семейное повествование**

*Посвящается моим бабушкам
 Марии Васильевне Ли и
 Клавдии Тимофеевне Асеевой-
 Нарвайт, а также родителям
 Ли Виталию Гавриловичу и
 Нарвайт Галине Енсовне.*

Я родилась в интернациональной семье. Судьба моих родителей – Ли Виталия Гавриловича и Нарвайт Галины Енсовны – тесно связана как с драматическими, так и со светлыми событиями советской действительности XX века. Пройдя через многие испытания, они утвердились в жизни, семье и работе, сумев не только прийти к личным целям, но и внести свой персональный вклад в развитие страны, процветание той земли, которая стала их второй Родиной, – Казахстана. То же самое относится и ко всем корейским родным, создавшим крепкие семьи, вырастившие замечательных детей, ставших специалистами высокого уровня в выбранных профессиях.

Я уверена, что всё это могло состояться благодаря нашим родителям, заложенной ими крепкой генетике и, прежде всего, стойкости духа, мужеству, готовности к самопожертвованию наших бабушек и дедушек, на долю которых выпали тяжелейшие испытания. Сейчас я очень жалею, что в юности не расспрашивала глубоко об истории семьи. Молодежь всегда занята своей жизнью, становлением себя, профессией, личными переживаниями и так далее. А они, со своей стороны, очень скупно говорили о прошлом, опасаясь преследований, которые выпали на их долю, с другой – не хотелось ворошить время, где было много переживаний и боли.

Это повествование – попытка собрать воедино картину их жизни по отрывкам воспоминаний, крупичкам информации от моих двоюродных сестер и родных тетюшек. Большую помощь в восстановлении фактов из жизни корейской части семьи оказала книга «Жизнь в стране абсурдов. Говорят потомки»². Она названа так по тексту моей кузины Эльвиры Михайловны Ким, члена Союза писателей Казахстана, профессионального журналиста, последние 20 лет перед уходом из жизни работавшей заместителем главного редактора областной газеты «Иртыш» в Семипалатинске.

В книге Эльвиры подробно описана история семьи Гаврилы Павловича Ли, нашего общего дедушки и, в первую очередь, её отца, героя Кореи Михаила Михайловича Кима. Поэтому заинтересованного читателя я отсылаю к этой книге. Здесь же опираюсь на изложенные факты, чтобы представить общую картину истории корейской части семьи. Со стороны мамы, к сожалению,

¹ Тягубя (корейск.) – дети от смешанных браков, метисы.

² Книга посвящена 70-летию насильственной депортации советских корейцев в 1937 г. из районов Дальнего Востока на территорию Казахстана и Средней Азии. Ее инициатор и составитель – Николай Денисович Ге, кандидат педагогических наук, председатель Общественного объединения «Потомки борцов за независимость Кореи “Докнип”».

нию, нет никаких письменных материалов, только личные документы, некоторые предметы из наследства да краткая информация, которую сообщила моя троюродная сестра Алла Бахта, а также скупые воспоминания бабушки Клавдии Тимофеевны.

**Гаврила Павлович Ли
и Мария Васильевна Ли**

Семья Хвана Ю Ли (Гаврилы Павловича Ли) и Марии Васильевны Ли

Как рассказывали родные тети, наш дедушка Хван Ю Ли, муж Марии Васильевны принадлежал к корейскому роду Дэндю (Чхонджу). Он родом из Сеула, из богатой обеспеченной семьи. С юности увлекался русской культурой, стремился выучить русский язык. С этой целью и поехал в начале XX века на Дальний Восток в Россию. Там, в одной из корейских деревень, увидел высокую девушку, несущую на плечах коромысло с полными ведрами. Её статью и гордая походка поразили юношу в самое сердце. Он решил остаться в этой деревне. Знакомство с семьей девушки и с ней самой никак не задавалось. Это были бедные люди, и родители посчитали, что она не ровня богатому молодому человеку, прибывшему из самого Сеула. Тогда Хван Ю Ли купил всю деревню, и семье девушки ничего не оставалось другого, как согласиться на их свадьбу.

В России Хван Ю Ли принял православие и после крещения получил новое имя – Гаврила Павлович Попов. Но свою родную фамилию он оставил, и в последующих документах так и был записан – Гаврила Павлович Ли. Проживала семья Ли в Хабаровске, где уже теперь Гаврила Павлович – Хван Ю стал заниматься предпринимательством, и довольно успешно. У семьи был большой дом синего цвета на речке Плюсинка, их и называли «синедомниками». В доме царил полный достаток, в сенях стояли бочки с черной и красной икрой, была лучшая по тем временам мебель, на стенах висели большие лаковые картины с перламутровыми изображениями. Хван был добрым и щедрым человеком, благотворительность сделала его широко известным. Раз в год, на восточный Новый год, ворота во двор распахивались. Там были накрыты большие столы с корейскими яствами, и любой человек мог зайти и угоститься. Гаврила Павлович с особым вниманием относился к детям из бедных семей, многие из них находили в его доме кров, еду и заботу. Путников принимали с ночевой и в дорогу давали полные сумки провизии. Хвана Ю Ли подкосило неожиданное предательство: его друг и партнер по бизнесу внезапно исчез, забрав почти все общие деньги. Через некоторое время Гаврила Павлович скончался от скоротечного рака. Все заботы о семье легли на плечи бабушки.

В семье родилось семеро детей. Шесть девочек, и предпоследним ребенком был единственный мальчик – мой отец. На Дальнем Востоке в то время корейцев, по желанию, крестили. Хван, приверженец русской культуры, хо-

тел, чтобы все дети были крещены в православии. При крещении им дали фамилию уже принявшего православие отца – Поповы, и нарекли русскими именами. Но «в миру» все унаследовали фамилию Ли. Старшие окончили на Дальнем Востоке высшие учебные заведения, а позже, уже в Казахстане, получили еще второе, а кто-то и третье. Старшая дочь Надежда после замужества уехала к мужу и мало общалась с семьей. Остальные всю жизнь были в крепком общении, поддерживая и помогая друг другу.

Михаил Михайлович Ким

Вторая дочь в семье, Вера, окончила педагогический институт и вышла замуж за Михаила Михайловича Кима. Он был профессиональным военным. М. Ким сражался в Корее против японцев в 35-летней корейско-японской войне, а когда исход в пользу Кореи уже был ясен, переехал в Россию и вступил в ряды коммунистической партии. Здесь возглавил крупный партизанский отряд, успешно боровшийся с белогвардейцами. Ему импонировали коммунистические идеи справедливости, равенства, братства, ориентация общества на честный труд во имя народного блага. Он был образованным человеком, помимо родного языка владел японским, китайским, русским, английским; прекрасный оратор, обладавший даром убеждения, пользовался большим уважением за честность и порядочность. Со временем М. М. Ким стал крупным политическим деятелем на Дальнем Востоке, одним из активных лидеров коммунистов корейского населения, которое в то время было самым крупным после автохтонных русских.

В 1934 году как делегат XVII съезда ВКП(б) – съезда так называемых «победителей» принял участие в его работе. Сам Сталин отзывался о нем как о грамотном и активном представителе компартии среди советских корейцев Дальнего Востока. М. Ким и его корейские соратники несколько раз имели личные встречи с «вождем всех народов». А в 1937 году Михаил Ким стал одним из 98 членов избранного съездом состава ЦК КПК (всего их было 138), кого объявили «врагами народа». Его, как и нескольких других корейских коммунистов, обвинили в шпионаже в пользу японского империализма. Все эти 98 человек, в том числе и Михаил Ким, были приговорены к расстрелу карательной тройкой НКВД (Народный комиссариат внутренних дел – центральный орган государственного управления СССР по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка в 1934–1943 гг.).

Приговор был немедленно приведен в исполнение.

Депортация

Известие о депортации пришло после ареста М. М. Кима. Корейцы должны были покинуть дома в 24 часа, их грузили в вагоны-теплушки или товарняк и отправляли в неизвестном для них направлении. Причину депортации также не сообщали. Бабушка Мария Васильевна с её независимым, жестким и крепким характером впервые в жизни плакала, покидая родной дом. Вагоны набивались людьми, успевшими взять с собой только самое необходимое. Это был уже ноябрь, холод вместе с голодом надолго поселились в вагонах. Поезд двигался медленно, людей угнетала неизвестность, антисанитария, инфекционные болезни косили ехавших насмерть, по несколько человек в день. Во время движения приходилось разбирать доски и скидывать трупы прямо на железнодорожное полотно.

Бабушка ехала вместе с дочерьми – старшей Верой и её двумя дочками Декабриной и Эльвирой, Татьяной с её мужем и дочкой Тamarой, Екатериной с

мужем и её старшей дочкой Ларисой, которой на тот момент было всего два годика, а также двумя своими младшими дочками Ольгой и Ниной. Мой отец, ее единственный сын Виталий, ничего о том не знал. В это время он жил и учился во Владивостоке на геологическом факультете политехнического института. По дороге самая маленькая в семье, Лара, тяжело заболела дизентерией. Запасливая бабушка по рекомендации Татьяны, к этому времени успевшей пройти обучение в мединституте по специальности фармакология, стала давать ей капельку опиума, буквально на кончике иглы, и ребенок пошел на поправку. Сплоченность семьи, поддержка друг друга, объединяющая сила крепкого характера бабушки сохранила всех и помогла доехать до конца.

Депортированных выбросили из вагонов в актюбинской степи в сорокаградусный мороз. Среди старших корейцев бытует рассказ о «корейской юрте». Об этом говорила и Эльвира, она описала её в своей неопубликованной книге «Исход», посвященной именно этой части истории из жизни советских корейцев. Люди, очутившиеся в степной зимней стуже, по ночам жгли костры, ближе к огню помещали маленьких детей, сами ложились на то, что было, тесно прижимаясь друг к другу, и последний круг замыкали старики, многие из которых к утру умирали от холода. Вот он, образ «корейской юрты 1937 года»! Умерших хоронили прямо в снегу, так как невозможно было раскопать мерзлую землю.

В месте высадки было найдено несколько землянок и полуразрушившихся глиняных строений, которые стали обустривать для жизни. Недалеко стояли юрты чабанов, и дальше, как выяснилось позже, располагался небольшой казахский аул. Но чабанам и жившим там людям запретили приближаться и, тем более, общаться с ссыльными. Они только могли наблюдать за ними издали. Но и корейцы тоже держались замкнуто, больше всего из-за того, что не понимали, где они и что происходит. Постепенно, видя, как прибывшие собирают сухостой для топки, кипятят воду из снега, местные поняли, что от этих людей не стоит ждать опасности. И однажды пожилой аксакал по имени Жуман показал нашей бабушке, где находится его куча кизяка, и научил его растапливать. Он и его дети стали привозить семье бабушки курт, молоко, лепешки, и однажды сам Жуман принес большой кусок мяса. Потом и другие чабаны стали помогать корейцам едой и теплыми вещами.

Эти люди помогли ни в чем не повинным переселенцам выжить в самое тяжелое время депортации. Позже их стали расселять по разным местам. Раньше всех переехала в Актюбинск Татьяна с мужем и дочерью. По-видимому, пригодилось ее образование фармацевта. Затем отправили в Кызылорду остальную часть семьи. Кызылорда, в то время столица советского Казахстана, стала центром и будущей корейской диаспоры. Сюда был компактно эвакуирован корейский музыкально-драматический театр, начала работать редакция корейской газеты «Коре Ильбо», сотрудники которой невероятным образом в условиях депортации сумели перевезти типографские металлические матрицы с корейским шрифтом. В Кызылорде в семье родились будущий доктор медицинских наук Татьяна Михайловна Имамбаева-Тюгай и известный геолог Олег Михайлович Тюгай – дети Екатерины и ее мужа Михаила.

Мой отец Виталий, будучи студентом, узнав о том, что случилось с семьей, срочно забрал документы из института и поехал в Хабаровск. Там в своем родном синем доме на Плюсинке, где прошло его счастливое детство, он застал совсем чужих людей, которые даже не пустили его на порог. Узнав, что эшелон с депортированными ушел в Казахстан, отправился на поиски семьи. Более двух месяцев он колесил по Казахстану, собирая по крупицам сведе-

ния, где могли быть родные. Кончились деньги, легкое пальтишко не спасало от холода. Он ездил на попутках, и водители его подкармливали, оставляя на ночь в своих домах. Ему было тогда немногим более 20 лет. Наконец, добравшись до Актюбинска, он нашел там свою сестру Татьяну Гавриловну, от которой узнал, что семья находится в Кызылорде, и она собирается всех собрать в Семипалатинске, куда переезжает в связи с приглашением на работу. Так они и встретились все в этом городе, который стал для семьи родным.

За это время Виталий подал документы в Алматинский политехнический институт на геологоразведывательный факультет и даже получил место в общежитии. Бабушкины внучки и внуки стали учиться в высших учебных заведениях. Для бабушки это была не только мечта, но и самая главная задача – дать всем детям высшее образование. Жизнь стала понемногу налаживаться. Но 1937–1938 годы навсегда вошли в историю Советского Союза как время «Большого террора», когда в лагерях и расстрелах погибло около 1 400 000 ни в чем не повинных людей, объявленных врагами народа. Число депортированных народов разной национальности составило 6 миллионов. Числа, конечно, приблизительные и, возможно, значительно преуменьшены.

Семипалатинск

В годы войны вся семья, кроме отца, собралась в Семипалатинске. Жили в слегка покосившемся одноэтажном стареньком домике с небольшим садом. Кроме корейской семьи сюда на проживание властями города была направлена эвакуированная семейная пара из блокадного Ленинграда – Роза Борисовна с мужем, интеллигентные, тихие, приветливые люди. Они сразу вписались в уже сложившуюся обстановку дома. Роза Борисовна и Татьяна стали хорошими подругами.

Дом на улице Пушкина стал «центром силы семьи». Бабушка, которую все звали Буся, была здесь самым главным человеком, никто не мог её ослушаться, а стержнем всего сообщества стала Татьяна – именно она, с её контактными характером, предпринимательской жилкой, чувством юмора и оптимизмом, решала все бытовые и житейские вопросы. Под это её теплое и надежное крыло попали и эвакуированные ленинградцы. Здесь все собирались по праздникам, приезжая из Алма-Аты и других городов, куда занесла родственников судьба. Буся не знала русского языка, она говорила только на корейском. Благодаря этому её дети, учившиеся в институтах на русском и жившие в русской языковой среде, сохранили знание родного языка, по крайней мере всё понимали и могли общаться на общебытовом уровне, хотя и эти навыки постепенно улетучивались.

Мои редкие приезды в Семипалатинск будучи студенткой навсегда остались в памяти. Теплые посиделки с тетушками, двоюродным братом Сашей и племянником Женей, тогда еще мальчишками. Лучистые, живые Бусины глаза, встречавшие единственную дочь её единственного любимого сына, ее сухонькие, маленькие, но крепкие руки, беспрекословное уважение, даже поклонение ей всех домочадцев, сад с большими деревьями, большой стол перед домом, рядом с которым Саша и Женя на специальном чугунном станке крутили лапшу для кукси, падающую прямо в кастрюлю с кипящей водой на деловито шумящем большом примусе... И бесконечные разговоры за накрытым столом с изумительным кукси и душистой выпечкой тети Веры. Невозможность говорить с Бусей до сих пор тяжела для меня, уже в моем солидном возрасте. Думаю, она тоже из-за этого переживала. Помню, как однажды, приехав в Семипалатинск, в дом на Пушкина, я, проснувшись утром,

увидела Бусю, сидящую у моей кровати и держащую в руках мою чистую и выглаженную одежду...

В 1956 году исторический XX съезд КПСС осудил культ личности Сталина, массовые репрессии были квалифицированы как незаконные, было принято решение о реабилитации невинно осужденных, восстанавливающей их гражданские права. В основном посмертно. Только в 1957 году, после настоятельных обращений Веры Михайловны Ким в органы НКВД, пришел важный документ: Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 9 апреля 1957 года Ким Михаил Михайлович был реабилитирован. А гораздо позже его дочь Эльвира Ким, работая над книгой «Жизнь в стране абсурда», неожиданно для себя раскопала в архивах Постановление УНКВД 1938 года по Актюбинской области о том, что Ким Вера Михайловна, жена врага народа, осуждена на 3 года лишения свободы. Никто не знал об этом Постановлении, и как Вере Гавриловне удалось избежать ареста, до сих пор непонятно. Постановление осталось невыполненным.

В этом же году после реабилитации мужа Михаила Михайловича Кима Вере Гавриловне назначили приличную пенсию и предложили квартиру в Москве, как супруге невинно пострадавшего выдающегося коммунистического деятеля. Но она отказалась, оставшись в Семипалатинске. Вместо московской ей предложили трехкомнатную обкомовскую квартиру в центре города, куда она и переехала от бабушки и остальной семьи из старенького домика с садом на улице Пушкина вместе с дочерьми Декабриной и Эльвирой и девятилетним сыном Декабрины Женей.

Хорошо помню этот старинный каменный дом в центре Семипалатинска. В квартиру вела тяжелая деревянная дверь, а за ней особый мир.... Всё в комнатных цветах, накрахмаленные салфетки и скатерти, белоснежные свежее выглаженные простыни и запах вкуснейших пончиков по утрам. А в особые дни делался невероятный торт «Наполеон», над которым тетя Вера колдовала по ночам, «чтобы не ходили и не мешали, а то тесто стрясут». Утром торт красовался на старинном фарфоровом блюде в центре стола, источая запах, от которого кружилась голова. Но к нему подпускали только вечером, и такое чаепитие всегда было особым праздничным ритуалом.

Буся ушла из жизни на 88-м году жизни. Она слегла, сломав ногу, и, если бы не эта травма, она, до последнего живой, энергичный человек, привыкший к постоянной работе на благо семьи, могла бы прожить еще больше. Вера умерла в 1992 году, Татьяна, не выдержав этого, скончалась буквально во время похорон, когда основная часть кортежа только что выехала со двора дома. Упала на руки племянника Жени, и он, сам врач, кандидат медицинских наук, не смог её вернуть к жизни... Так их, Веру и Татьяну, и похоронили рядом, недалеко от могилы Буси.

Возвращаясь к Михаилу Михайловичу Киму

В 1993 году в Казахстане, вслед за Россией, Верховный совет Республики Казахстан принял Закон о реабилитации жертв массовых политических репрессий, которым «объявил реабилитированными всех граждан, независимо от национальностей». А уже гораздо позже произошло важное событие, до которого Вере Гавриловне и Эле не удалось дожить. В 2010 году дочери Михаила Михайловича Кима Декабрине пришло приглашение на встречу с Послом Южной Кореи. Декабрина была уже в возрасте. Её сын Женя отправился её сопровождать. Никто не знал, по какому поводу это мероприятие. В большом зале в Корейском доме на улице Абая в Алматы собралось много народа.

Посол объявил, что он специально прибыл в Алматы, чтобы вручить высшую Государственную награду Республики Корея «Герой Кореи» некоторым корейцам Казахстана, участникам 35-летней японско-корейской войны, боровшимся за Независимость Кореи против японских захватчиков. Таких людей, кажется, было всего два или три человека. И среди них наш Михаил Михайлович Ким. Декабрине вручили Орден Героя Кореи, очень солидно выглядывший, красивый по своему художественному решению, и соответствующий документ. Кроме того, было объявлено, что потомки Героев Кореи, дети и внуки будут получать солидную пенсию от Республики Корея. Для нас для всех это стало невероятно радостным известием...

Выступая на праздничном обеде, Декабрина обратилась к послу и в его лице к правительству Республики Корея, выразив огромную благодарность за эту награду. «Таким образом, – сказала она, – имя отца навсегда очищено от несправедливых наветов, что очень важно для народов Кореи, России и Казахстана. А для всей семьи это огромное облегчение, так как честь Михаила Михайловича Кима окончательно восстановлена. Жаль только, что до этого дня не дождала его супруга Вера Гавриловна Ким, всегда отстаивавшая его невиновность, вверившая в безупречность и порядочность всех его поступков».

Клавдия Тимофеевна и Галина Енсовна Нарвайт. Бабушка и Мама

Клавдия Тимофеевна, урожденная Тимофеева, после окончания Мариинской женской гимназии в Томске переехала к сестрам, старшая из которых, Капитолина, вышедшая замуж за богатого промышленника Сурина, жила недалеко от Сочи в селе Лазаревка в большом красивом доме. Там юная и красивая Клавочка покорила сердце поручика царской армии Леонида Асеева, проживающего в Мариуполе, мама которого была гречанкой из известной зажиточной семьи. Поженившись, молодые поселились в большем просторном доме мамы Леонида. Галина родилась в Мариуполе, в декабре 1917 года, это было время перемен, начало Октябрьской социалистической революции, как раз тогда, когда революционные бури перемешали весь уклад жизни. Она была совсем крошечной, когда однажды её отец, дворянин по происхождению, ворвался в дом со словами: «Немедленно уезжаем, быстро собирайся, пароход на пристани». Но наткнулся на непреклонный ответ жены: «Я никуда не уеду. Это моя родина, я и дочь остаемся». «Ну и дура!» – воскликнул он и исчез за дверью.

Позже стало известно, что переполненный пароход затонул со всеми пассажирами в одном из проливов, ведущих к Средиземному морю. Никто не выжил. Клава осталась одна с грудным ребенком на руках. Через некоторое время ей удалось найти работу секретаря-машинистки в одном из новых, уже советских, учреждений. Там её и нашел Нарвайт Енс Карлович, воевавший во взводе латышских стрелков сначала с немцами, захватившими часть Латвии в Первой мировой войне, а затем на стороне революционного народа. Значительный состав латышского взвода, твердо вставший на сторону коммунистов, принял участие в войне Красной армии с белогвардейцами. Среди них был и Е. К. Нарвайт, один из руководителей этого латышского спецназа. В начале 20-х годов Енс был направлен в недавно созданную в составе СССР Украинскую Народную Республику собирать продовольственный налог (фиксированный налог, взимавшийся с крестьянских хозяйственных подворий, введенный советским правительством в начале новой экономической политики – НЭП в 1921 году). Здесь Енс Нарвайт пережил тяжелейшую трагедию своей жизни.

Клавдия Тимофеевна, Галина и Енс Карлович Нарвайт

Во всех боевых походах с ним всегда были рядом жена и маленькая дочка, покинувшие ради него родную Латвию. Как-то в одном из сёл, которое латышские воины освободили от белогвардейцев, Енс со своими товарищами отлучились по приказу на особое задание. Его семья впервые одна осталась в селе, и ничего не предвещало беды. Но в один день в это село, жители которого поддержали бойцов Красной армии, ворвались белогвардейцы. Женщины с детьми и старики спрятались в сельском храме. Но белые выбили дверь и порубили саблями всех находившихся там людей. Латыши, до которых дошло известие о случившемся, вернулись в село, когда всё уже было кончено. Енс очень тяжело переживал эту беду.

Клаву он увидел примерно через год после случившейся трагедии. Его глубоко поразило сходство молодой женщины и её маленькой дочери с его погибшей семьей. Да и возрастом они тоже были почти одногодки. Эта встреча вдохнула в Енса новую жизнь, надежду, что он снова может быть счастлив. Клава же как-то сразу доверилась высокому интеллигентному красному офицеру, в котором чувствовались порядочность и надежность. Больше они не расставались. Через некоторое время Енс Нарвайт, один из лидеров латышской боевой бригады, человек хорошо образованный, знавший несколько языков, в том числе и немецкий, преданный коммунистической идее, был направлен на руководящую партийную работу в созданную в 1923 году на Волге Автономную Социалистическую Советскую Республику немцев Поволжья.

В столице автономии, городе Энгельсе, ему была выделена в квартире, где жили еще две семьи, отдельная комната и наркомовский паек. Енс Карлович Нарвайт руководил комиссариатом финансов, а через некоторое время съездом компартии Автономии был выбран председателем ревизионной комиссии коммунистической партии немцев Поволжья (в то время население Автономии составляло примерно полмиллиона человек). Он много работал, часто ездил в Москву, где имел несколько бесед со Сталиным, и даже отдыхал и лечился с ним в Ленинских Горках (старинная усадьба под Москвой, в которой любили бывать Ленин и Сталин и где Ленин провел свои последние

дни жизни). У Енса Карловича было прострелено одно легкое, и он нуждался в постоянной лечебной профилактике.

Еще в 1936 году он как-то сказал своей жене Клавдии: «Что-то неладное творится в рядах нашей партии...» С приближением 1937 года Енс Карлович становился всё молчаливей, замкнутее, часто оставался ночевать в своем кабинете. И вот пришло время, когда ночью за ним пришли люди в черных кожаных куртках и увели с собой. Клавдия Тимофеевна и Галина, в то время студентка саратовского университета, наутро пошли его искать, но в военной комендатуре им только сообщили, что их муж и отец находится под следствием. Некоторое время им удавалось что-то ему передавать, немного еды, махорку. Он писал им письма карандашом мелким, ровным подчерком: «Никому не верьте, всё прояснится...» В архиве семьи до сих пор хранятся эти желтые хрупкие листочки с почти уже неразличимыми карандашными строчками.

А однажды, когда Клавдия Тимофеевна пришла с очередной передачей, ей выдали окровавленную одежду мужа и сказали, чтобы больше она здесь не появлялась. Через некоторое время друзья Енса Карловича тайком сообщили ей, чтобы они немедленно уезжали, так как НКВД готовится их арестовать как семью врага народа. А перед этим произошло событие, оставившее глубокую рану в сердце Галины: молодой человек, с которым она дружила, первая в жизни любовь, увидев её на улице города, не подошел к ней и не поздоровался, перейдя на другую сторону. В университете, где она училась на факультете геологии, тоже всё изменилось, преподаватели еще какое-то время терпели её присутствие на лекциях, но перестали с ней разговаривать, хотя раньше всегда осведомлялись, «как дела, как семья», сокурсники прекратили общаться, кроме одной подруги, Нины Дрямовой, которая, несмотря ни на что, всегда была с ней рядом.

После предупреждения друзей Галина забрала документы из университета, и они, собравшись в один день, ночью сели в поезд, направлявшийся в родной город Клавдии – Томск. Там она успешно окончила геологический факультет Томского политехнического института. Во время учебы её часто направляли на геологическую практику в Казахстан, где в то время под руководством академика К. И. Сатпаева шла интенсивная работа по геологической разведке недр.

Уже гораздо позже, после реабилитации Енса Карловича, стало известно, что его арест был спровоцирован соседом по коммуналке, который положил глаз на его наркомовскую комнату в общей квартире. К доносу были приложены мятые листы, исписанные на немецком языке почерком арестованного. Это были материалы латышского коммуниста Нарвайта из книги, которую он писал для немецкого населения Автономии «История коммунистической партии Советского Союза». Что называется «глазами очевидца». Скомканные забракованные листы будущей книги опрометчиво выбрасывались автором в общее мусорное ведро на кухне, что не скрылось от зорких глаз соседа. Стало ясно, что Енс Карлович Нарвайт, герой гражданской войны и видный лидер легендарного латышского взвода стрелцов, преданный партии коммунист был расстрелян по обвинению в шпионаже в пользу Германии.

Кстати, уже после отъезда семьи наркома доносчик тут же занял их опустевшую комнату. Уже гораздо позже, когда все уже жили в Алма-Ате, приехавшая в гости подруга юности Клавдии Тимофеевны рассказала, что в начале Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) их разыскивали сотрудники госбезопасности. Но им так и не удалось их отыскать. В политехническом институте Томска был лишь один документ, удостоверяющий, что выпускни-

ца геологического факультета Нарвайт Галина Енсовна, получившая красный диплом по профессии «геология», направляется на работу в Казахстан. Дальше следы терялись. О Саяке мало тогда кто знал в самом Казахстане, а уж в русском городе Томске тем более.

Трудно представить, как бы повернулась судьба мамы и бабушки, если бы органы безопасности вышли на их след. В лучшем случае им грозил АЛЖИР – акмолинский лагерь жен изменников родины, находившийся на севере Казахстана. Вряд ли бы они выжили там. Обвинение в немецком шпионаже главы семьи было слишком тяжелым в годы войны с немецкими захватчиками. Так казахская степь еще раз спасла моих родных.

Казахстан. Саяк. Семья Ли-Нарвайт. Бозшаколь. Алма-Ата

Геологическая профессия Виталия Ли и Галины Нарвайт, людей из разных концов земли, из разных культур, с разной и в то же время близкой судьбой, привела их к встрече в крохотной географической точке на карте Казахстана – геологической экспедиции недалеко от села Саяк Бурлю-Тюбинского района Талдыкурганской области. Экспедиция представляла собой временное поселение, несколько землянок и утепленных палаток, где жили люди и располагалось оборудование, необходимое для работы. Суровые условия бытования – скудное питание, отсутствие медицинской помощи, воды, резко континентальный климат с нередкими погодными катаклизмами... Отец был направлен сюда как геолог-разведчик, мама приехала по разнарядке от Геологического управления Казахстана, куда прибыла по назначению из Томского политехнического института. В Саяк отправилась и Клавдия Тимофеевна Нарвайт, не захотевшая оставлять дочь одну в далеких неизвестных местах.

Мне до сих пор непонятно, как ей удалось привезти с собой реликвии своей семьи. Это были дорогие её сердцу вещи из прошлого – тарелка кузнецовского сервиза, подаренного на свадьбе с Леонидом Асеевым, серебряная ложка с его именем, 14 томов первой Малой советской энциклопедии под редакцией наркома по культуре того времени Луначарского из библиотеки Енса Карловича, его швейцарские серебряные часы-луковица с рельефом под крышкой, изображающим сцену охоты, подаренный им дамский портсигар с мелкими бриллиантами и сапфиром на застежке нэпмановских времен (наверно, он хотел, чтобы она, как многие дамы тогда, тоже курила дамские пахитоски). И кое-что еще, например, большую тяжелую серебряную поварешку, которой вполне можно было бы прихлопнуть крупную крысу. Эти вещи были с ней во всех нелегких переездах и даже прибыли в Саяк, где в землянке с керосиновой лампой выглядели, наверно, по меньшей мере экзотично. Сегодня уже новое поколение хранит это наследие прошлого.

Но вернемся в Саяк. Людей в экспедиции было немного, быт и работа налаживались общими усилиями. Одного возраста, одной профессии, одних интересов, Виталий и Галина постепенно нашли общий язык и взаимопонимание. Там и поженились, не без содействия Клавдии Тимофеевны, которая посоветовала своей дочери Галине обратить внимание на скромного интеллигентного молодого человека, пусть и другой национальности, но умного и начитанного, относящегося к ним со всей возможной заботливостью и добротой. Первым ребенком молодой пары стал мальчик с интересной внешностью. У него были узкие корейские глаза, но мамино цвета синего. Он не прожил и года, заболел тяжелой формой дифтерии и без необходимой медицинской помощи умер. Через два года, в феврале 1944 года, родилась я, семимесячная и тощенькая из-за мамино недоедания. Маму отвезли в ближний населенный пункт, где

был один фельдшер, единственный медработник на многие километры вокруг. Везли туда и обратно в санях, на двух верблюдах в пургу и лютый мороз. Наверно, эта поездка так впечатлила маму, знавшую французский и латинский языки, что она решила назвать меня Камила (верблюд – Camelus, lat.), тогда ей было неизвестно казахское имя «Камиля». В метрике было записано: «Камилла Ли. Отец Виталий Гаврилович Ли». Вторая «л» добавила имени французского шарма. Бабушка Клавдия Тимофеевна принялась выхаживать ребенка, шансы которого на будущее были не очень велики. Первым делом нашли корыто, которое утеплили тем, что нашлось, и установили его на самое теплое (но не горячее) место на печке. Молодой папа всё время мотался в близлежащие аулы за продуктами, чтобы подкормить кормящую маму. Бабушка готовила еду, неуклонно следя за режимом питания всех домочадцев и возможной чистотой землянки. Однажды она, не раздумывая, сняла голый рукой со спящего ребенка огромного черного таранула. Приходилось ежедневно выметать и других паучков, червячков, мотыльков, а летом и более крупную живность. Родители не ездили на осмотры к тому самому принявшему роды фельдшеру до наступления лета, так как дороги были небезопасны из-за снежных бурь, а весной размыты и потому непроходимы.

Мама через полгода стала работать в организованной здесь же, в геологической экспедиции, петрографической «лаборатории», состоящей из стола и микроскопа (петрография – наука о горных породах, описывающая их структуру и химический состав). Кто делал шлифы для исследований из собранных пород, неизвестно. Отец вместе с еще одним геологом занимался изучением открытого ими в Саяке месторождения золота и молибдена. К сожалению, мне неизвестно имя этого человека, поэтому я не могу его здесь упомянуть. Удостоверение первооткрывателя этого важного для страны объекта – Саякского месторождения Ли Виталий Гаврилович получил гораздо позже, в конце 50-х годов. В продвижение открытия и его описание вложен и мамин большой труд.

Примерно через год отец перевез семью в Семипалатинск, к своим родственникам. Это было в начале 1947 года. Корейская и русская бабушки быстро подружились, несмотря на языковую преграду, а тетушки и все домочадцы с удовольствием нянчились с единственной дочерью их единственного сына и брата. Отец уехал назад в Саяк, почти всю свою зарплату отсылал семье. Мама осталась в Семипалатинске, но там у неё не нашлось работы по её профессии. Папины деньги отдавались Бусе, Марии Васильевне, что-то из вещей удавалось продать на базаре. Страна восстанавливалась после войны, и здесь, в дальнем тылу, жизнь была тоже нелегкая. Чтобы что-нибудь добавить в семейный бюджет, мама стала рисовать игральные карты. У нее от природы были художественные способности, укрепленные практикой черчения геологических карт. «Крепкие руки и точный глаз», – говорил папа. Клавдия Тимофеевна продавала эти творческие произведения на базаре. Карты ручной работы, где мама к каноническим образам добавляла еще и свои художественные находки, пользовались огромным спросом. Но это был тяжелый труд практически миниатюриста, и работа продвигалась медленно. После третьей колоды мама сказала, что ей надо передохнуть, но больше к ним не вернулась.

Через полтора года отец перевез нас в Алма-Ату, где на улице Джетысуйской снял в аренду маленький флигель в большом саду. Хозяйский дом стоял на улице, и мы почти не пересекались. Этот сад навсегда остался в моей памяти. Я росла среди цветов, разных растений, и все они были выше

меня ростом, не говоря уже о деревьях, которые казались недостижимыми великанами. С тех пор я стойко убеждена, что именно в таком раю должен жить человек! Там, в том маленьком доме на алма-атинской улице Джетысуйской, я начала говорить, и мама распорядилась, чтобы бабушку Клавдию Тимофеевну я тоже звала мамой, так как они вместе с папой надолго уезжают в новую геологическую экспедицию. Так и повелось.

Тогда я редко видела родителей. Иногда, когда все собирались вместе, на мое обращение откликнулись обе мамы сразу. Мама-бабушка рано научила меня писать и читать, она шила мне костюмчики из белого батиста, вышивала их гладью – это были очень красивые цветы шиповника и букеты незабудок, украшала кружевом, которое вязала сама, и водила гулять в парк неподалеку, а однажды привела в кинотеатр «Ударник», расположенный в бывшей церкви (ныне восстановленный старый православный храм). Как она рассказывала, на нас всегда обращали внимание – чистенькая, скромно одетая русская пожилая женщина и абсолютно восточный ребенок с челкой в красивом белом костюмчике, громко звавший ее «мамой», показывая увиденную бабочку или яркий цветок... Тогда мало кто знал, кто такие корейцы... и, конечно, не отличали их от казахов.

Родители появлялись редко, занятые своей экспедиционной геологической службой. Но однажды они приехали, чтобы забрать нас из Алма-Аты в Бозшаколь. Это было крупное меднорудное месторождение недалеко от Экибастуза, на базе которого выросло большое село. Отец был назначен туда главным геологом, и для мамы, как для петрографа, тоже было много работы. Наконец-то все были вместе! Там, в Бозшаколе, я пошла в первый класс, мама-бабушка занималась школьным снаряжением и специально сшила мешочек для чернильницы-непроливайки, привязав его к ручке тяжелого портфеля. Непроливайка всё время проливалась, портфель заляпывался, за что первоклашке крепко доставалось. В теплое время года она сама водила ученицу в школу и после уроков забирала домой. Зимой эту миссию выполнял папа, запрягая в телегу лошадь, которая была закреплена за ним как за главным геологом. Зимы там были морозные, и бураны часто заметали всё вокруг так, что ничего не было видно. Даже на таком транспорте продвижение было сложно.

Для меня первый класс был невероятно скучным, так как мама старшая всему уже научила, я прошла с ней азы математики, читала детские книги, которых было совсем немного. И тогда мама младшая взялась сама писать для меня книжки. Хорошо помню одну из них. Она называлась «Джек и Джони». Это была целая повесть в стихах о двух щенках, которые остались дома одни, что они там натворили, и как хозяйева, несмотря на разоренный дом, их все-таки простили. Книжка, написанная вручную, тушью и пером, сопровождалась подробными цветными иллюстрациями, рисованными также тушью и пером и раскрашенными акварелью. Материалом служили листы ватмана, нарезанные в удобном формате и сброшюрованные черным шнурком. Сейчас я думаю, что несколько лет в Бозшаколе были счастливыми для семьи после многих лет скитаний, голода, неопределенности. Все жили в большом, теплом и светлом доме, родители были молоды, в доме собирались друзья-коллеги, рядом был замечательный породистый пес – сеттер-гордон, с которым меня связывала крепкая дружба.

В 1952 году директор института геологии, его основатель, академик К. И. Сатпаев пригласил отца на научную работу в институт. Как он сказал, «необходимо обобщить ваш большой практический опыт». Отец поехал в Алма-Ату подробно знакомиться с городом. Его сады, журчание арыков, большой Зе-

ленный базар, где на телегах высились горы арбузов, дынь, огромных красных яблок, где за несколько копеек можно было купить лучшие в мире жареные пирожки... И еще головной арык с журчащей чистой водой, гуляющие фазаны по его берегам, красивые здания в центре... всё это покорило его сердце. Решение было принято, мы переехали и уже навсегда стали алмаатинцами. Нас поселили в каркасно-камышитовом доме на улице Мичурина, где семья занимала две комнаты в трехкомнатной квартире, а в третьей, самой маленькой, жила женщина по имени Клавдия с маленьким мальчиком Вовой. За годы совместной жизни мы стали с тетей Клавой и её сыном родными людьми. Так у меня появился братик, с которым прошло мое алма-атинское детство.

В Алма-Ате я пошла во второй класс в школу № 36, одну из центральных школ города. Родители по-прежнему ездили в экспедиции, теперь с ранней весны и до глубокой осени, и всегда возвращались в Алма-Ату, привозя новый материал для исследований, проходивших на научной базе института. Алма-Ата полюбилась маме-бабушке. Она водила внучку в театр, в парк культуры и отдыха, в цирк шапито, шатер которого раскидывался каждое лето в одном из скверов. Мы ели пирожное в кафе «Лето» – любимом кафе алмаатинцев, – рядом с театром юного зрителя на улице Калинина, куда часто ходили на его спектакли. Возвращение родителей из экспедиций всегда было большим праздником. Накрывался большой стол, где всё было сделано искусными руками мамы-бабушки.

В перерывах между экспедициями где-то в 50-х годах мама, работая в институте геологии, защитила кандидатскую диссертацию по профилю своих петрографических исследований. Это произошло еще до XX съезда, после которого вышло постановление о реабилитации жертв политических репрессий. Клеймо дочери врага народа, с которым она прожила многие годы, несколько стерлось со временем, но еще не было официально снято. Видимо, защита прошла непросто. После заседания ученого совета она долго не возвращалась домой, и папа ходил её искать. Вернувшись поздно вечером, она еще долго сидела на общей кухне коммуналки, ни с кем не разговаривая. Все драматические события 1937 года сильно на нее повлияли. Арест Енса Карловича, которого она любила всем сердцем как родного отца, воспитавшего её (о том, что он ей не родной, она узнала при аресте), его расстрел, отвернувшиеся после это студенческие друзья, предательство молодого человека – первой юношеской любви, клеймо «дочь врага народа», долгие годы сопровождавшее её, скоропалительное бегство в Томск сделали её замкнутой, молчаливой, малоконтактной. Она не любила большие собрания, мало с кем общалась, ограничиваясь работой, общением с несколькими близкими проверенными людьми. Защита диссертации была важна для неё, скорее, не как ступенька в профессиональном росте, а как утверждение для самой себя в том, что она состоялась и утвердилась как специалист, что она чего-то стоит как человек и личность. После защиты у неё было много публикаций во все-союзных и международных журналах, приходили приглашения на международные геологические конгрессы и конференции, но она никуда не ездила. Может быть, отказывалась, а может быть, и не пускали....

Реабилитация Енса Карловича Нарвайта после многих обращений Клавдии Тимофеевны пришла в 1958 году. Его жене, моей русской бабушке, как и тете Вере, предлагали квартиру в Москве, обещали устройство на работу там же членов семьи, назначили хорошую пенсию по потере мужа. Но старшая мама тоже отказалась от московских благ, оставшись с семьей в городе, ставшем для нее родным, в стране, в которой обрела покой и будущее.

Клавдия Тимофеевна всегда была центром семьи, хранительницей очага, теплота её души распространялась на всех – и на друзей семьи, и на моих подруг, когда я стала уже взрослой. Между отцом и мамой-бабушкой сложились особо теплые отношения. Она всегда заступалась за него, если мама была им недовольна. Ей удалось дождаться рождения правнука, моего сына Влада, что стало для неё большим счастьем. Клавдия Тимофеевна ушла из жизни в 94 года. Ее последние слова: «Берегите друг друга»... Она занималась этим всю свою жизнь.

Виталий Гаврилович Ли и Галина Енсовна Нарвайт

Сейчас мне думается, что для родителей профессия была главной формой существования. Оба очень любили природу, и геология дала им возможность объездить почти весь Казахстан. Одинаково близкими стали для них и безводная Бетпак-дала (северная «Голодная степь» – пустыня, занимающая большие части территорий Улытауской, Карагандинской, Туркестанской и Жамбылской областей Казахстана), и сарыаркинский мелкосопочник Центрального Казахстана, и поросшие сочным можжевельником гранитные скалы Баянаула. Они работали в местах, которые неизвестны для многих казахстанцев. Мама собрала замечательную коллекцию казахстанских минералов – с одной стороны образцы были отшлифованы и таким образом являли необычайную красоту цвета и формы своих внутренних структур. Она искренне ими восхищалась и всегда говорила, что человек никогда не сможет достигнуть того, что создала природа. Отец занимался цветными металлами, его более узким направлением был их генезис.

Тема генеза была особенно интересна Канышу Имантаевичу Сатпаеву³. Не побоюсь сказать, что в нашей семье был настоящий культ этого выдающегося человека. Отец рассказывал о нечастых, но всегда решающих встречах с Сатпаевым, отмечая его редкое человеческое обаяние, харизматичность личности, искренность и простоту в общении. Сатпаев, как руководитель казахстанской геологии, часто посещал разные экспедиции. В этих поездках он каждый день с восходом солнца уходил с геологическим молотком в степь, возвращался к обеду, после которого проводилось общее совещание с анализом выполненного. При этом жесткие, но справедливые разногласия были неминуемы, после этого намечался подробно обсуждаемый план дальнейших действий. А вечером, у костра, после сытного ужина, всегда особо готовившегося к его приезду, под рюмочку, велись душевные беседы. Каныш Имантаевич брал домбру или гитару и пел красивым бархатным голосом казахские и русские песни. И уже за полночь посиделки у костра завершались общим исполнением гимна геологов. «Держись, геолог, крепись, геолог, ты солнцу и ветру брат!», – летело над степью.

В своих походах Сатпаев часто находил затерянные в степных пространствах различные памятники культуры – наскальные рисунки, иногда на отдельных валунах, а иногда и целые галереи, менгиры, затерянные строения. Об этом всегда отправлялось сообщение с точными координатами находки в Министерство культуры, и он сам строго следил за тем, чтобы на месте найденного памятника не проводились разрушительные горные разработки. Исследования отца были близки Сатпаеву по теме, именно поэтому он пригла-

¹ К. И. Сатпаев – основатель школы геологических наук и металлогении Казахстана, организатор и первый президент АН Казахстана (1946), академик АН СССР (1946, с 1943 – член-корреспондент), академик АН Казахстана (1946), почетный член АН Таджикистана (1951).

Бабушка Клавдия Тимофеевна Нарвайт и папа Виталий Гаврилович Ли

сил его в институт геологии, которым руководил в то время. Первоначально отец получил должность просто научного сотрудника, а после защиты кандидатской диссертации был назначен на должность руководителя лаборатории металлогенеза. Через некоторое время была представлена на защиту докторская, после которой Ли В. Г. было присвоено звание профессора, и он был переведен на должность заместителя директора института по научной работе, где проработал многие годы, почти до ухода из жизни.

В институте он подготовил и издал около 120 научных трудов, в том числе 3 монографии по теме разведки редких и цветных металлов, геолого-металлогенических и комплексных исследований. За работы «Рудные формации свинцово-цинковых месторождений Центрального Казахстана» (Алма-Ата, 1973), «Металлогения Казахстана» (Алма-Ата, 1973), «Рудные формации месторождений свинца и цинка» (Алма-Ата, 1978) он, в группе авторов, был удостоен Государственной премии Казахской ССР, которую вручил премьер-министр Казахстана того времени Н. Назарбаев, и Государственной премии СССР, которую получил из рук президента Академии наук СССР, академика Келдыша. По приглашению Министерства геологии СССР он долгое время в единственном лице представлял Казахстан во всесоюзной комиссии по подсчету рудных запасов.

Не могу на вспомнить еще об одном важном эпизоде в жизни нашей семьи, тесно связанном с Канышем Имантаевичем Сатпаевым. В начале 60-х годов Центральный комитет Компартии Казахской ССР формировал группу ученых-корейцев для отправки в Пхеньян руководить разными отраслями в области науки и практики с целью оказания помощи в народном хозяйстве. Отцу был предложен пост министра геологии с хорошим обеспечением его самого и его семьи. Это предложение он воспринял с большим воодушевлением. Его даже не беспокоило то обстоятельство, что он уже почти забыл корейский язык, главным было, что появилась возможность жизни на исторической родине, в национальной культурной среде, и сделать для родной по

крови страны много необходимого ей и важного. Но мама категорически этому воспротивилась. «Как мы там будем жить, не зная языка, не зная обычаев, не имея никого рядом из знакомых и друзей? Какое будущее ждет нашу дочь, выросшую в ориентации на русско-европейское образование и культуру?»

Разногласия изменили климат в семье, все ходили мрачными, почти не разговаривая друг с другом. Отец не знал, что ему делать, и что будет дальше. Но однажды его вызвали в Академию наук КазССР, в кабинет её президента К. И. Сатпаева. Тот сначала напал на него: «Почему ты мне не сказал, что тебя хотят отправить в Пхеньян? – спросил он грозно. – Я случайно узнал об этом. Мне пришлось идти в ЦК (Центральный комитет компартии РК) и сказать им, что Ли никуда не поедет. Этот кореец нужен мне здесь, в Казахстане!» Сатпаева тогда слушали все. Каждое его слово становилось законом. Так вопрос переезда семьи в Пхеньян отпал в связи с вмешательством Каныша Имантаевича, а все научные труды отца, диссертации и государственные премии свершились позже этого эпизода, когда Сатпаева уже не было в живых.

Отец всегда сокрушался, что так и не смог отчитаться Сатпаеву о своих достижениях. В семье воцарился мир, после ожесточенных споров по-прежнему вечером квартира превращалась в «избу-читальню», семейная библиотека из восьми книжных шкафов всегда могла предложить что-то интересное, мама-бабушка или вязала, или тоже сидела с книжкой, ученица средних классов учила уроки, черный кот Роман мурчал на коленях отца, которого предпочитал всем остальным домочадцам. В книжных пристрастиях у мамы с отцом были разные предпочтения. Она любила научную фантастику и собрала почти всё, что издавалось в СССР в этом направлении из русских и зарубежных авторов. Отец выбирал классику, читал Драйзера, Диккенса, Чехова, Достоевского, он очень любил Пушкина, знал наизусть всего «Евгения Онегина», много стихов Есенина.

В 70-х годах, посоветовавшись с мамой, он принял одно очень важное решение по делу, которое давно хотел совершить. Вместе с родным племянником Олегом Тюгай, тоже ставшим геологом по наущению отца, они отправились в Актюбинскую область, чтобы найти аул аксакала Жумана, того самого, кто спас семью бабушки от голода в снежной актюбинской степи. И им удалось найти и этот аул, и дом, где проживали дети и внуки аксакала. Они показали отцу с Олегом могилу Жумана, и там, на его могиле, был совершен обряд поклонения усопшему по корейским традициям – накрыт маленький стол-скатерть и приехавшие три раза поклонились перед именем Жумана. А к вечеру перед столовой местного клуба был зарезан большой жирный баран для поминального дастархана, на ас, который давали для семьи и жителей аула приехавшие корейцы в честь великого поступка их соотечественника Жумана в тот страшный год корейской депортации.

Мама во всем поддерживала отца и гордилась его делами. Она рано вышла на пенсию. У геологов, в связи с их тяжелой работой, были особые условия для пенсионного возраста: благодаря этому она перестала заниматься профессией уже в 50 лет. Сказалось резкое ухудшение зрения, многие годы работы с микроскопом при петрографических исследованиях не прошли даром.

К её выходу на пенсию родители купили дачу под Алма-Атой, в 40 километрах от города – крохотный двухэтажный летний домик на советских заветных шести сотках с садом, огородом и арычным поливом, который проводился по специальному графику. К этому времени они уже перестали ездить в экспедиции, но общение с природой и связанная с ней активная деятельность были им жизненно необходимы. На даче оба проявили недюжинные способности в

агротехнике. Через пару лет арычная система была налажена, и когда приходило время нашего полива, вода лилась в нужном направлении при поднятии заслонок легким движением руки, земля стала как пух и усердно плодоносила, как ей было предназначено. Мама специализировалась на помидорах и землянике, при этом выращенные ею большие розовые помидоры были вкуснее любых базарных, а земляника издавала аромат, от которого кружилась голова. Отец выращивал разные сорта винограда и изготавливал из него домашнее вино, которое хвалили родственники и друзья. И если он всё делал по своему корейскому наитию, то мама подходила к сельхозработам с точки зрения науки, учитывая время года, лунный календарь, время прорастания семян и многое другое. Конечно, при этом приходилось много пахать, в том числе и мне (что я не очень любила делать), и даже моему четырехлетнему сыну. Его впервые привезли на дачу в четыре года, вручили маленькую красную лопаточку, показав, что надо делать. Дача компенсировала родителям выезды в экспедиции, которые были частью их жизни, подарив возможность общения с природой и занятость трудом, от которого была польза если и не науке, то, по крайней мере, семье, не говоря уже о собственном удовольствии.

Выйдя на пенсию гораздо позже мамы, отец продолжал ходить на работу уже в качестве старшего научного сотрудника, консультанта, участвуя и в повседневной работе института, и в заседаниях ученого совета. К нему часто обращались с просьбой об отзывах и рецензиях на кандидатские и докторские диссертации по проблемам металлогенеза, где он считался одним из лучших специалистов.

Мои родители были разными не только по национальности, но и по характеру. Замокнутая, всегда погруженная в себя, стесняющаяся людей мама, и открытый для общения отец. На вечере памяти в честь его столетия Сейтмуратова Элеонора Юсуповна – член-корреспондент Национальной академии наук РК сказала: «У Виталия Гавриловича было всегда доброжелательное выражение лица при любых обстоятельствах!» Его любили не только за профессионализм, за эту самую доброжелательность, но и за скромность, отзывчивость, готовность всегда прийти на помощь.

Отец ушел из жизни в 82 года после тяжелой болезни. Это произошло дома, в середине дня. С раннего утра у него начались сильные боли, которые не проходили даже после сильного обезболивающего, которое я ему ежедневно вкалывала. Мама сидела около него, положив руку на папино сердце до его самого последнего биения...

Похороны отца взял на себя мой двоюродный брат, племянник папы Олег Тюгай. Через два года ушла и мама, к этому времени почти окончательно потеряв зрение, потеряв смысл жизни, потеряв желание жить... Это произошло ночью, во сне... Утром, когда я подошла к ней, её уже не было... Меня тогда до глубины души поразило ее спокойное, просветленное, разгладившееся лицо... такой её образ я никогда не видела при её жизни... Наверно, перешагнув порог вечности, она обрела то, о чём всегда мечтала – покой и счастье...

Я – тягубя

Меня часто спрашивают, кем я себя ощущаю по национальности. И в шутку и всерьез я отвечаю: «Человеком планеты Земля». Или: «Казашкой корейского происхождения». Я – тягубя! Я – метиска! В силу своего происхождения, своей профессии, рождения и жизни в Казахстане, в том и другом есть доля правды. Я выросла в лоне русской культуры, в русскоязычной среде. Мое первое образование – немецкий язык (и немного английский) в Алма-Атинском институте

иностранных языков – ввело в знакомство с культурой и искусством европейских стран, получившее дальнейшее развитие в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры Академии художеств СССР.

Жизнь в этом замечательном городе, посещение уникальных музеев его и Москвы, где я вышла замуж, общение там с яркими интересными людьми, и особенно важное для меня время – среда наших шестидесятников в Алма-Ате, художников, поэтов, писателей, ученых – во многом сформировали меня как человека, как культуролога и искусствоведа. Я принимаю жизнь во всем её многообразии. Люблю слушать кюи Курмангазы и армянский дудук, горловое пение шаманов и грузинское многоголосие, меня глубоко трогают видеоклипы «Странник» Димаша Кудайбергенова и «Исповедь» Ярослава Дронова. Корейские Чонгу и Сальмуллори завораживают меня так же, как музыка Бетховена и Чайковского, и почему-то совсем не трогает Вагнер.

Я воспринимаю изобразительное искусство любых стран как вхождение в четвертое измерение, где могут открыться новые миры, законы и знаки, неизвестные прежде. Мне не дано полностью погрузиться в национальную идентификацию, о чём, конечно же, я очень жалею и даже завидую тем, для кого эта дверь настезь открыта. Но, с другой стороны, это дает мне возможность глубоко воспринимать разные национальные культуры, относиться с уважением и открытым сердцем к людям разных национальностей. Иногда я сама задаю себе вопрос: «Может быть, я евразиец, и не только по крови, но и по этой своей возможности воспринимать и радоваться всему многообразию мира?..»

Когда мне исполнилось шестнадцать лет (а это было незадолго до ситуации с отправкой папы в Пхеньян), мама сказала: тебе надо идти получать паспорт, и ты должна записаться русской, так как ты русскоязычная, у тебя мама русская, и ты выросла в русской среде. Получив паспорт, где в графе национальность было написано «русская», я всегда испытывала неловкость. Несмотря на погруженность в русскую культуру, полностью русской я себя не чувствовала. В восемнадцать лет я уже сама отправилась в паспортный стол и написала заявление о замене паспорта. С тех пор в моем паспорте в графе национальность стоит «корейка».

Большая моя личная благодарность Стасу Ли, известному казахстанскому поэту, переводчику, художнику и другу за то, что он сподвигнул меня на написание этой семейной повести. Корейский поэт Станислав Ли написал стихотворение – благодарение казахскому народу за свой народ, который казахи спасли в страшные годы сталинских репрессий. Его слова выбиты на стеле, установленной в городе Уштобе в память о депортации. Это слова, идущие и от моего сердца:

*«Степь и казах – несокрушимое единство!
Как мать и сын, как воля и простор!
Благословенны будьте на века,
Земля и ты, народ,
Нас принявший в нелегкие года...»*

